

АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

Тайна поместья Горсторп

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Артур Конан Дойл

Тайна поместья Горсторп

«Издательство АСТ»

УДК 821.1113
ББК 84(4Вел)44

Дойл А.

Тайна поместья Горсторп / А. Дойл — «Издательство АСТ»,
— (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-699-92361-8

Немногие знают, что сэр Артур Конан Дойл считается одним из классиков литературы ужасов. Его мистические рассказы с непредсказуемыми развязками невозможно отложить, не дочитав до последней страницы: герои сталкиваются с таинственными ситуациями, где самые обычные предметы предвещают несчастья и смерть, а главное – оказываются лицом к лицу с самым жутким кошмаром, от которого нельзя ни убежать, ни спрятаться, – с собственным страхом.

УДК 821.1113
ББК 84(4Вел)44

ISBN 978-5-699-92361-8

© Дойл А.
© Издательство АСТ

Содержание

Номер 249	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Артур Конан Дойл

Тайна поместья Горсторп

Серия «Зарубежная классика»

Перевод с английского

© Перевод. В. Воронин, наследники, 2020

© Перевод. Н. Высоцкая, наследники, 2021

© Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2020

© Перевод. И. Дорониная, 2018

© Перевод. Ю. Жукова, 2020

© Перевод. Р. Рыбкин, наследники, 2021

© Перевод. Е. Туева, 2020 Школа перевода В. Баканова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Номер 249

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлза и преподобного Пламптри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым совершенно случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершенно выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном средоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на то, что наука пытается освещать эти границы, определить их можно лишь приблизительно, и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя смелость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить человеческий дух.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща – будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На нее выходят две площадки, а третья – завершает; ее ступени истерты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своем пути эти впадины. От облаченных в длинные мантии, педантичных школяров времен Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох – какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища – стершаяся надпись, да еще, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но целы безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой еще можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем – будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили три молодых человека. Каждый занимал две комнаты: спальню и гостиную, – выходявшие на площадки старой лестницы. В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлз, в обязанности которого входило прислуживать трем верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Беллингем – под ним, а Уильям Монкхауз Ли – внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решетку камина ноги и покуривая трубку. По другую сторону камина в таком же кресле и столь же удобно расположился старый школьный товарищ Смита Джеффо Хасти. Вечер молодые люди провели на реке и потому были в спортивных костюмах, но и, помимо этого, стоило взглянуть на их живые, энергичные лица, как становилось ясно, – оба много бывают на воздухе, их влечет и занимает все, что по плечу людям отважным и сильным. Хасти и в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смит – гребцом еще более сильным, но тень приближающихся экзаменов уже легла на него и сейчас он усердно занимался, уделяя спорту лишь

несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды книг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомические таблицы объясняли, что именно и в каком объеме изучал Смит, а висевшие над каминной полкой учебные рапиры и боксерские перчатки намекали на способ, посредством которого Смит с помощью Хасты мог наиболее эффективно тут же, на месте, заниматься спортом. Они были большими друзьями, настолько большими, что теперь сидели, погружившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

– Налей себе виски, – сказал, наконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит. – Шотландское – в графине, а в бутылки – ирландское.

– Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?

– День и ночь занимаюсь. Пожалуй, обойдемся без виски.

Хасты кивнул, и оба умиротворенно умолкли.

– Кстати, Смит, – заговорил вскоре Хасты, – ты уже познакомился со своими соседями?

– При встрече киваем друг другу. И только.

– Хм. По-моему, лучше этим и ограничиться. Мне кое-что известно про них обоих. Не много, но и этого довольно. На твоём месте я бы не стал с ними близко сходить. Правда, о Монкхаузе Ли ничего дурного сказать нельзя.

– Ты имеешь в виду худого?

– Именно. Он вполне джентльмен и человек порядочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Беллингемом.

– Ты имеешь в виду толстяка?

– Да, его. А с таким субъектом я бы не стал знакомиться.

Аберкромб Смит удивленно поднял брови и посмотрел на друга.

– А что такое? – спросил он. – Пьет? Картежник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.

– Сразу видно, что ты с ним незнаком, не то бы не спрашивал. Есть в нем что-то гнусное, змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предается тайным порокам – злоедейский человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных – такого знатока еще не бывало в колледже.

– Медицина или классическая филология?

– Восточные языки. Тут он сущий дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле, у вторых порогов, и Беллингем болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями – по-древнееврейски, с бедуинами – по-арабски, и они были готовы целовать край его плаща. Там еще не перевелись старики отшельники: сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев, – но, едва завидев Беллингема – он и двух слов сказать не успел, – сразу же начинали ползать на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного, а Беллингем принимал все как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Недурно для студента нашего колледжа, а?

– А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Беллингемом?

– Беллингем помолвлен с его сестрой Эвелиной. Прелестная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Аберкромб Смит ухмыльнулся и выколотил трубку об решетку камина.

– Вот ты, старина, и выдал себя с головой. Какой ты жуткий ревнивец! Право же, только поэтому ты на него и злишься.

– Верно. Я знал ее еще ребенком, и мне горько видеть, как она рискует своим счастьем. А она рискует. Выглядит он мерзостно. И характер у него мерзкий, злобный. Помнишь его историю с Лонгом Нортоном?

– Нет. Ты все забываешь, что я тут человек новый.

– Да-да, верно, это ведь случилось прошлой зимой. Ну так вот, знаешь тропу вдоль речки? Шли как-то по ней несколько студентов, Беллингом впереди всех, а навстречу им – старуха, рыночная торговка. Лил дождь, а тебе известно, во что превращаются там поля после ливня. Тропа шла между речкой и громадной лужей, почти с реку шириной. И эта свинья, продолжая идти посреди тропинки, столкнул старушку в грязь. Представляешь, во что превратилась она сама и весь ее товар? Такая это была мерзость, и Лонг Нортон, человек на редкость кроткий, откровенно высказал ему свое мнение. Слово за слово, а кончилось тем, что Нортон ударил Беллингема тростью. Скандал вышел грандиозный, и теперь прямо смех берет, когда видишь, какие кровожадные взгляды бросает Беллингом на Нортон при встрече. Черт побери, Смит, уже почти одиннадцать!

– Не спеши. Выкури еще трубку.

– Не могу. Я ведь тренируюсь. Мне бы давно надо спать, а я сижу тут у тебя и болтаю. Если можно, я позаимствую твой череп. Мой взял на месяц Уильямс. Я прихвачу и твои ушные кости, если они тебе на самом деле не нужны. Премного благодарен. Сумка мне не понадобится, прекрасно донесу все в руках. Спокойной ночи, сын мой, да не забывай, что я тебе сказал про соседа.

Когда Хасти, прихватив свою анатомическую добычу, сбежал по винтовой лестнице, Аберкромб Смит швырнул трубку в корзину для бумаг и, придвинув стул поближе к лампе, погрузился в толстый зеленый том, украшенный огромными цветными схемами таинственного царства наших внутренностей, которым каждый из нас тщетно пытается править. Хоть и новичок в Оксфорде, наш студент не был новичком в медицине – уже четыре года занимался в Глазго и Берлине, и предстоящий экзамен обещал ему диплом врача.

Решительный рот, большой лоб, немного грубоватые черты лица говорили о том, что если владелец их и не наделен блестящими способностями, то его упорство, терпение и выносливость, возможно, позволят ему затмить таланты куда более яркие. Того, кто сумел поставить себя среди шотландцев и немцев, затереть не так-то просто. Смит хорошо зарекомендовал себя в Глазго и Берлине и решил упорным трудом создать себе такую же репутацию в Оксфорде.

Он читал почти час, и стрелки часов, громко тикавших на столике в углу, уже почти сошлись на двенадцати, когда до слуха Смита внезапно донесся резкий, пронзительный звук, словно кто-то в величайшем волнении, задохнувшись, со свистом втянул в себя воздух. Смит отложил книгу и прислушался. По сторонам и над ним никого не было, а значит, помешавший ему звук мог раздаться только у нижнего соседа – у того самого, о котором так нелестно отзывался Хасти. Для Смита этот сосед был всего лишь обрюзгшим молчаливым человеком с бледным лицом, правда, очень усердным: когда сам он уже гасил лампу, от лампы соседа продолжал падать из окна старой башни золотистый луч света. Эта общность поздних занятий походила на какую-то безмолвную связь. И глубокой ночью, когда уже близился рассвет, Смигу было отрадно сознавать, что где-то рядом кто-то столь же мало дорожит сном, как и он. И даже сейчас, обратившись мыслями к соседу, Смит испытывал добрые чувства. Хасти – человек хороший, но грубоватый, толстокожий, не наделенный чуткостью и воображением. Всякое отклонение от того, что казалось ему образцом мужественности, его раздражало. Для Хасти не существовало людей, к которым не подходили мерки, принятые в закрытых учебных заведениях. Как и многие здоровые личности, он был склонен видеть в телосложении человека признаки его характера и считать проявлением дурных наклонностей то, что на самом деле было просто недостаточно хорошим кровообращением. Смит, наделенный более острым умом, знал эту особенность своего друга и помнил о ней, когда обратился мыслями к человеку, проживавшему внизу.

Странный звук больше не повторялся, и Смит уже принялся было снова за работу, когда в ночной тишине раздался хриплый крик, вернее, вопль, зов до смерти испуганного, не владе-

ющего собой человека. Смит вскочил на ноги и уронил книгу. Он был не робкого десятка, но в этом внезапном крике ужаса прозвучало такое, что кровь у него застыла в жилах и по спине побежали мурашки. Крик прозвучал в таком месте и в такой час, что на ум ему пришли тысячи самых невероятных предположений. Броситься вниз или же подождать? Как истый англичанин Смит терпеть не мог оказываться в глупом положении, а соседа своего он знал так мало, что вмешаться в его дела было для него совсем не просто. Но пока он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить, на лестнице послышались торопливые шаги, и Монкхауз Ли в одном белье, бледный как полотно, вбежал в комнату.

– Бегите скорее вниз! – задыхаясь, крикнул он. – Беллингему плохо.

Аберкромб Смит бросился следом за Ли по лестнице в гостиную, расположенную под его гостиной, однако как ни был озабочен случившимся, переступив порог, он невольно с удивлением оглядел ее. Такой комнаты он еще никогда не видывал – она скорее напоминала музей. Стены и потолок ее сплошь покрывали сотни разнообразных диковинок из Египта и других восточных стран. Высокие угловатые фигуры с ношей или оружием в руках шествовали вокруг комнаты, напоминая нелепый фриз. Выше располагались изваяния с головой быка, аиста, кошки, совы и среди них – увенчанные змеями, владыки с миндалевидными глазами, а также странные, похожие на скарабеев божества, вырезанные из голубой египетской ляпислазури. Из каждой ниши, с каждой полки смотрели Гор, Изида и Озирис, а под потолком, разинув пасть, висел в двойной петле истинный сын древнего Нила – громадный крокодил.

В центре этой необычайной комнаты стоял большой квадратный стол, заваленный бумагами, склянками и высушенными листьями какого-то красивого, похожего на пальму растения. Все это было сдвинуто в кучу, чтобы освободить место для деревянного футляра мумии, который отодвинули от стены – около нее было пустое пространство – и поставили на стол. Сама мумия, страшная, черная и высохшая, похожая на сучковатую обуглившуюся головешку, была наполовину вынута из футляра, и напоминая птичью лапу рука лежала на столе. К футляру был прислонен древний, пожелтевший свиток папируса, и перед всем этим сидел в деревянном кресле хозяин комнаты. Голова его была откинута, полный ужаса взгляд широко открытых глаз прикован к висящему под потолком крокодилу, синие толстые губы при каждом выдохе с шумом выпячивались.

– Боже мой! Он умирает! – в отчаянии крикнул Монкхауз Ли.

Ли, стройный, красивый юноша, темноглазый и смуглый, был больше похож на испанца, чем на англичанина, и присущая ему кельтская живость резко контрастировала с саксонской флегматичностью Аберкромба Смита.

– По-моему, это всего лишь обморок, – сказал студент-медик. – Помогите-ка мне. Беритесь за ноги. Теперь положим его на диван. Можете скинуть на пол все эти чертовы деревянныешки? Ну и кавардак! Сейчас расстегнем ему воротник, дадим воды, и он очнется. Чем он тут занимался?

– Не знаю. Я услышал его крик, прибежал: мы ведь близко знакомы. Очень любезно с вашей стороны спуститься к нему.

– Сердце стучит словно кастаньеты, – сказал Смит, положив руку на грудь Беллингеми. – По-моему, что-то его до смерти напугало. Облейте его водой. Ну и лицо же у него!

И действительно, странное лицо Беллингема казалось необычайно отталкивающим, ибо цвет и черты его были совершенно противоестественными. Оно было белым, но то не была обычная при испуге бледность, нет, то была абсолютно бескровная белизна, как брюхо камбалы. Полное лицо это, казалось, было раньше еще полнее – сейчас кожа на нем обвисла складками, и его покрывала густая сеть морщин. Темные короткие непокорные волосы стояли дыбом, толстые морщинистые уши оттопыривались. Светло-серые глаза были открыты, зрачки расширены, в застывшем взгляде читался ужас. Смит смотрел, и ему казалось, что никогда

еще на лице человека не проступали так явно признаки порочной природы, и он уже более серьезно отнесся к предупреждению, полученному час назад от Хасти.

– Что же, черт побери, могло его так напугать? – спросил он.

– Мумия.

– Мумия? Как так?

– Не знаю. Она отвратительная, и в ней есть что-то жуткое. Хоть бы он с ней расстался! Уж второй раз пугает меня. Прошлой зимой случилось то же самое. Я застал его в таком же состоянии – и тогда перед ним была эта мерзкая штука.

– Но зачем же ему эта мумия?

– Видите ли, он человек с причудами. Это его страсть. О таких вещах он в Англии знает больше всех. Да только, по-моему, лучше бы ему не знать! Ах, он, кажется, начинает приходить в себя!

На мертвенно-бледных щеках Беллингема стали медленно проступать живые краски, и веки его дрогнули, как вздрагивает парус при первом порыве ветра. Он сжал и разжал кулаки, со свистом втянул сквозь зубы воздух, затем резко вскинул голову и уже осмысленно оглядел комнату. Когда взгляд его упал на мумию, он вскочил, схватил свиток папируса, сунул его в ящик стола, запер на ключ и, пошатываясь, побрел назад к дивану.

– Что случилось? Что вам тут надо?

– Ты так кричал, что поднял ужасный тарарам, – ответил Монкхауз Ли. – Если б не пришел наш верхний сосед, не знаю, что бы я один с тобой делал.

– Ах, так это Аберкромб Смит! – сказал Беллингем, глядя на Смита. – Очень любезно, что вы пришли. Какой же я дурак! О господи, какой дурак!

Он закрыл лицо руками и разразился истерическим смехом.

– Послушайте, перестаньте! – закричал Смит и грубо встряхнул Беллингема за плечо. – Нервы у вас совсем расшатались, вы должны прекратить эти ночные развлечения с мумией, не то совсем рехнетесь. Вы и так уже на пределе.

– Интересно, – начал Беллингем, – сохранили бы вы на моем месте хоть сколько хладнокровия, если бы...

– Что?

– Да так, ничего. Просто интересно, смогли бы вы без ущерба для своей нервной системы просидеть целую ночь наедине с мумией. Но вы, конечно, правы. Пожалуй, я действительно за последнее время подверг свои нервы слишком тяжким испытаниям. Но теперь уже все в порядке. Только не уходите. Побудьте здесь несколько минут, пока я совсем не приду в себя.

– В комнате очень душно, – заметил Ли и, распахнув окно, впустил свежий ночной воздух.

– Это бальзамическая смола, – сказал Беллингем.

Он взял со стола один из сухих листьев и подержал над лампой. Лист затрещал, взвилось кольцо густого дыма, и комнату наполнил острый, едкий запах.

– Это священное растение – растение жрецов, – объяснил Беллингем. – Вы, Смит, хоть немного знакомы с восточными языками?

– Совсем не знаком. Ни слова не знаю.

Услышав это, египтолог, казалось, почувствовал облегчение.

– Между прочим, – продолжал он, – после того как вы прибежали, сколько я еще пробыл в обмороке?

– Недолго. Минут пять.

– Я так и думал, что это не могло продолжаться слишком долго, – сказал Беллингем, глубоко вздохнув. – Какое странное явление – потеря сознания! Его нельзя измерить. Мои собственные ощущения не могут определить, длилось оно секунды или недели. Взять хотя бы господина, который лежит на столе. Умер он в эпоху Одиннадцатой династии, веков сорок

назад, но если бы к нему вернулся дар речи, он бы сказал нам, что закрыл глаза всего лишь миг назад. Мумия эта, Смит, необычайно хороша.

Смит подошел к столу и окинул темную скрюченную фигуру профессиональным взглядом. Черты лица, хоть и неприятно бесцветные, были безупречны, и два маленьких, напоминавших орехи глаза все еще прятались в темных провалах глазных впадин. Покрытая пятнами кожа туго обтягивала кости, и спутанные пряди жестких черных волос падали на уши. Два острых, как у крысы, зуба прикусили сморщившуюся нижнюю губу. Мумия словно вся подобралась: руки были согнуты, голова подалась вперед, – и во всей ее ужасной фигуре угадывалась такая скрытая сила, что Смицу стало жутко. Были видны истончившиеся, словно пергаментом покрытые ребра, ввалившийся свинцово-серый живот с длинным разрезом – след бальзамирования, но нижние конечности были спеленаты грубыми желтыми бинтами. Тут и там на теле и внутри футляра лежали веточки мирры и кассии.

– Не знаю, как его зовут, – сказал Беллингем, проведя рукой по ссохшейся голове. – Видите ли, саркофаг с письменами утерян. Номер 249 – вот и весь его нынешний титул. Смотрите, вот он обозначен на футляре. Под таким номером он значился на аукционе, где я его приобрел.

– В свое время он был не из последнего десятка, – заметил Аберкромб Смит.

– Он был великаном. В мумии шесть футов семь дюймов¹. Там он слыл великаном – ведь египтяне никогда не были особенно рослыми. А пощупайте эти крупные шишковатые кости! С таким молодцом лучше было не связываться.

– Возможно, эти самые руки помогали укладывать камни в пирамиды, – предположил Монкхауз Ли, с отвращением рассматривая скрюченные пальцы, похожие на когти хищной птицы.

– Вряд ли, – ответил Беллингем. – Его погружали в раствор натронных солей и очень бережно за ним ухаживали. С простыми каменщиками так не обходились. Обыкновенная соль или асфальт были для них достаточно хороши. Подсчитано, что такие похороны стоили бы на наши деньги около семисот тридцати фунтов стерлингов. Наш друг по меньшей мере принадлежал к знати. А как по-вашему, Смит, что означает эта короткая надпись на его ноге у ступни?

– Я уже сказал вам, что не знаю восточных языков.

– Ах да, верно. По-моему, тут обозначено имя того, кто бальзамировал труп. И, вероятно, это был очень добросовестный мастер. Много ли из того, что создано в наши дни, существует четыре тысячи лет?

Беллингем продолжал болтать быстро и непринужденно, но Аберкромб Смит ясно видел, что его все еще переполняет страх. Руки Беллингема тряслись, нижняя губа вздрагивала, и взгляд, куда бы он ни смотрел, опять обращался к его жуткому компаньону. Но, несмотря на страх, в тоне и поведении Беллингема сквозило торжество. Глаза египтолога сверкали, он бойко, непринужденно расхаживал по комнате. Беллингем походил на человека, прошедшего сквозь тяжкое испытание, от которого он еще не совсем оправился, но которое помогло ему достичь поставленной цели.

– Неужели вы уходите? – воскликнул он, увидев, что Смит поднялся с дивана.

При мысли, что сейчас он останется один, к нему, казалось, вернулись все его страхи, и Беллингем протянул руку, словно хотел задержать Смита.

– Да, мне пора. Я должен еще поработать. Вы уже совсем оправились. Думаю, что с такой нервной системой вам бы лучше изучать что-нибудь не столь страшное.

– Ну, обычно я не теряю хладнокровия. Мне и раньше приходилось распеленывать мумии.

– В прошлый раз вы потеряли сознание, – заметил Монкхауз Ли.

¹ Около 2 м.

– Да, верно. Надо заняться нервами – попринимать лекарства или подлечиться электричеством. Вы ведь не уходите, Ли?

– Я в вашем распоряжении, Нэд.

– Тогда я спущусь и устроюсь у вас на диване. Спокойной ночи, Смит. Очень сожалею, что из-за моей глупости пришлось вас потревожить.

Они обменялись рукопожатиями, и, поднимаясь по выщербленным ступеням винтовой лестницы, студент-медик услышал, как повернулся в двери ключ и его новые знакомые спустились этажом ниже.

Так необычно состоялось знакомство Эдварда Беллингема с Аберкромбом Смитом, и, по крайней мере, последний не имел желания его поддерживать. А Беллингема, казалось, напротив, проникся симпатией к своему резковатому соседу, но проявлял ее в такой форме, что положить этому конец можно было, лишь прибегнув к откровенной грубости. Он дважды заходил к Смицу поблагодарить за оказанную помощь, а затем неоднократно заглядывал к нему, любезно предлагая книги, газеты и многое другое, чем могут поделиться холостяки-соседи. Смит вскоре обнаружил, что Беллингема – человек очень эрудированный, с хорошим вкусом, весьма много читает и обладает феноменальной памятью. А приятные манеры и обходительность мало-помалу заставили Смита привыкнуть к его отталкивающей внешности. Для переутомленного занятиями студента он оказался прекрасным собеседником, и немного погодя Смит обнаружил, что уже предвкушает посещения соседа и сам наносит ответные визиты.

Но хотя Беллингема был, несомненно, умен, студент-медик замечал в нем что-то ненормальное: иногда он раздражался выпренными² речами, которые совершенно не вязались с простотой его повседневной жизни.

– Как восхитительно, – восклицал он, – чувствовать, что можешь распоряжаться силами добра и зла, быть ангелом милосердия или демоном отмщения!

А о Монкхаузе Ли он как-то заметил:

– Ли хороший, честный, но в нем нет настоящего честолюбия. Он не способен стать соратником человека предприимчивого и смелого. Он не способен стать мне достойным соратником.

Выслушивая подобные намеки и иносказания, флегматичный Смит, невозмутимо попыхивая трубкой, только поднимал брови, качал головой и подавал незатейливые медицинские советы: пораньше ложиться спать и почаще бывать на свежем воздухе.

В последнее время у Беллингема появилась привычка, которая, как знал Смит, часто предвещает некоторое умственное расстройство. Он как будто все время разговаривал сам с собой. Поздно ночью, когда Беллингема уже не мог принимать гостей, до Смита доносился снизу его голос – негромкий, приглушенный монолог переходил иногда почти в шепот, но в ночной тишине он был отчетливо слышен.

Это бормотание отвлекало и раздражало студента, и он неоднократно высказывал соседу свое неудовольствие. Беллингема при этом обвинении краснел и сердито все отрицал; вообще же проявлял по этому поводу гораздо больше беспокойства, чем следовало.

Если бы у Смита возникли сомнения, ему не пришлось бы далеко ходить за подтверждением того, что слух его не обманывает. Том Стайлз, сморщенный старикашка, который с незапамятных времен прислуживал обитателям башни, был не менее серьезно обеспокоен этим обстоятельством.

– Прошу прощения, сэра, – начал он однажды утром, убирая верхние комнаты, – вам не кажется, что мистер Беллингема немного повредился?

– Повредился, Стайлз?

– Да, сэра. Головой повредился.

² Высокопарными, напыщенными.

– С чего вы это взяли?

– Да как вам сказать, сэр. Последнее время он стал совсем другой. Не такой, как раньше, хоть он никогда и не был джентльменом в моем вкусе, как мистер Хастис или вы, сэр. Он до того пристрастился говорить сам с собой – прямо страх берет. Верно, это и вам мешает. Прямо не знаю, что и думать, сэр.

– Мне кажется, все это никак не должно касаться вас, Стайлз.

– Дело в том, что я здесь не совсем посторонний, мистер Смит. Может, я себе лишнее позволяю, да только я по-другому не могу. Иной раз мне кажется, что я своим молодым джентльменам и мать родная, и отец. Случись что, да как понаедут родственники, я за все и в ответе. А о мистере Беллингеме, сэр, вот что хотелось бы мне знать: кто это расхаживает у него по комнате, когда самого его дома нет да и дверь снаружи заперта?

– Что? Вы говорите чепуху, Стайлз.

– Может, оно и чепуха, сэр. Да только я не один раз своими собственными ушами слышал шаги.

– Глупости, Стайлз.

– Как вам угодно, сэр. Коли понадобится – позвоните.

Аберкромб Смит не придавал значения болтовне старика-слуги, но через несколько дней случилось маленькое происшествие, которое произвело на Смита неприятное впечатление и живо напомнило ему слова Стайлза.

Как-то поздно вечером Беллингем зашел к Смицу и развлекал его, рассказывая интересные вещи о скальных гробницах в Бени-Гассане, в Верхнем Египте, как вдруг Смит, обладавший необычайно тонким слухом, отчетливо расслышал, что этажом ниже открылась дверь.

– Кто-то вошел или вышел из вашей комнаты, – заметил он.

Беллингем вскочил на ноги и секунду стоял в растерянности – он словно и не поверил Смицу, но в то же время испугался.

– Я уверен, что запер дверь. Я же наверняка ее запер, – запинаясь, пробормотал он. – Открыть ее никто не мог.

– Но я слышу, что кто-то поднимается по лестнице, – стоял на своем Смит.

Беллингем поспешно выскочил из комнаты, с силой захлопнул дверь и кинулся вниз по лестнице. Смит услышал, что на полпути он остановился и как будто что-то зашептал. Минуту спустя внизу хлопнула дверь, и ключ скрипнул в замке, а Беллингем снова поднялся наверх и вошел к Смицу. На бледном лице его выступили капли пота.

– Все в порядке, – сказал он, бросаясь в кресло. – Дуралей пес. Распахнул дверь. Не понимаю, как это я забыл ее запереть.

– А я не знал, что у вас есть собака, – произнес Смит, пристально глядя в лицо своего взволнованного собеседника.

– Да, пес у меня недавно. Но надо от него избавиться. Слишком много хлопот.

– Да, конечно, раз вам приходится держать его взаперти. Я полагал, что достаточно только закрыть дверь, не запирая ее.

– Мне не хочется, чтобы старик Стайлз случайно выпустил собаку. Пес, знаете ли, породистый, и было бы глупо просто так его лишиться.

– Я тоже люблю собак, – сказал Смит, по-прежнему упорно искоса поглядывая на собеседника. – Может быть, вы разрешите мне взглянуть на вашего пса?

– Разумеется. Боюсь только, что не сегодня – мне предстоит еще деловое свидание. Ваши часы не спешат? Раз так, я уже на пятнадцать минут опоздал. Надеюсь, вы меня извините.

Беллингем взял шляпу и поспешно покинул комнату. Несмотря на деловое свидание, Смит услышал, что он вернулся к себе и заперся изнутри.

Разговор этот оставил у Смита неприятный осадок. Беллингем ему лгал, и лгал так грубо, словно находился в безвыходном положении и во что бы то ни стало должен был скрыть правду.

Смит знал, что никакой собаки у соседа нет. Кроме того, он знал, что шаги, которые он слышал на лестнице, принадлежали не животному. В таком случае кто же это был? Старик Стайлз утверждал, что, когда Беллингема нет дома, кто-то расхаживает у него по комнате. Может быть, женщина? Это казалось всего вероятнее. Если бы об этом узнало университетское начальство, Беллингема с позором выгнали бы из университета, и, значит, его испуг и ложь вызваны именно этим. Но все-таки невероятно, чтобы студент мог спрятать у себя в комнатах женщину и избежать немедленного разоблачения. Однако, как ни объясняй, во всем этом было что-то неблаговидное, и, принявшись снова за свои книги, Смит твердо решил: какие бы попытки к сближению ни предпринимал его сладкоречивый и неприятный сосед, он станет их решительно пресекать.

Но в этот вечер Смит не суждено было спокойно поработать. Едва он восстановил в памяти то, на чем его прервали, как на лестнице послышались громкие, уверенные шаги – кто-то прыгал через три ступеньки, и в комнату вошел Хасти. Он был в свитере и спортивных брюках.

– Все занимаешься! – воскликнул он и бросился в свое любимое кресло. – Ну и любитель же ты корпеть над книгами! Случись у нас землетрясение и рассыпья до основания весь Оксфорд, ты бы, по-моему, преспокойно сидел себе среди руин, зарывшись в книги. Ладно уж, не стану тебе мешать. Разочек-другой затынусь да и побегу.

– Что новенького? – спросил Смит, уминая в трубке табак.

– Да ничего особенного. Уилсон, играя в команде первокурсников, сделал 70 против 11. Говорят, его поставят вместо Бедикомба – тот совсем выдохся. Когда-то он крепко бил мяч, но теперь может только перехватывать.

– Ну, это не совсем правильно, – отозвался Смит с той особой серьезностью, с какой университетские мужи науки обычно говорят о спорте.

– Слишком торопится – вырывается вперед. А с ударом запаздывает. Да, кстати, ты слышал про Нортон?

– А что с ним?

– На него напали.

– Напали?

– Да. Как раз когда он сворачивал с Хай-стрит, в сотне шагов от ворот колледжа.

– Кто же?

– В этом-то и загвоздка! Было бы точнее, если б ты сказал не «кто», а «что». Нортон клянется, что это был не человек. И правда, судя по царапинам у него на горле, я готов с ним согласиться.

– Кто же тогда? Неужели мы докатились до привидений?

И, пыхнув трубкой, Аберкромб Смит выразил презрение ученого.

– Да нет, этого еще никто не предполагал. Я скорее думаю, что если бы недавно у какого-нибудь циркача пропала большая обезьяна и очутилась в наших краях, то присяжные сочли бы виновной ее. Видишь ли, Нортон каждый вечер проходил по этой дороге почти в одно и то же время. Над тротуаром в этом месте низко нависают ветви дерева – большого вяза, который растет в саду Райни. Нортон считает, что эта тварь свалилась на него именно с вяза. Но как бы то ни было, его чуть не задушили две руки, по словам Нортон, сильные и тонкие, как стальные обручи. Он ничего не видел, кроме этих дьявольских рук, которые все крепче сжимали его горло. Он завопил во всю мочь, и двое ребят подбежали к нему, а эта тварь, как кошка, перемахнула через забор. Нортону так и не удалось ее как следует разглядеть. Для Нортон это было хорошенькой встряской. Вроде как побывал на курорте, сказал я ему.

– Скорее всего это вор-душитель, – заметил Смит.

– Вполне возможно. Нортон с этим не согласен, но его слова в расчет брать нельзя. У этого вора длинные ногти, и он очень ловко перемахнул через забор. Кстати, твой распрекас-

ный сосед очень бы обрадовался, услышав обо всем этом. У него на Нортоне зуб, и, насколько мне известно, он не так-то легко забывает обиды. Но что тебя, старина, встревожило?

– Ничего, – коротко ответил Смит.

Он привскочил на стуле, и на лице его промелькнуло выражение, какое появляется у человека, когда его вдруг осеняет неприятная догадка.

– Вид у тебя такой, будто что-то сказанное мной задело тебя за живое. Между прочим, после моего последнего к тебе визита ты, кажется, познакомился с господином Б., не так ли? Молодой Монкхауз Ли что-то говорил мне об этом.

– Да, мы немного знакомы. Он несколько раз заходил ко мне.

– Ну, ты достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. А знакомство с ним я не считаю подходящим, хотя он, несомненно, весьма умен и все такое прочее. Ну да ты скоро сам в этом убедишься. Ли – малый хороший и очень порядочный. Ну, прощай, старина. В среду гонки на приз ректора: я состязаюсь с Муллинсом, – так что не забудь явиться, возможно, до соревнований мы больше не увидимся.

Невозмутимый Смит отложил в сторону трубку и снова упрямо принялся за учебники. Однако вскоре понял, что никакое напряжение воли не поможет ему сосредоточиться на занятиях. Мысли сами собой обращались к тому, кто жил под ним, и к тайне, скрытой в его жилище. Потом они перескочили к необычайному нападению, о котором рассказал Хасти, и к обиде, которую Беллингем затаил на жертву этого нападения. Эти два обстоятельства упорно соединялись в сознании Смита, словно между ними существовала тесная внутренняя связь. И все же подозрение оставалось таким смутным и неясным, что его трудно было облечь в слова.

– Да будь он проклят! – воскликнул Смит, и брошенный им учебник патологии перелетел через всю комнату. – Испортил сегодня мне все вечерние занятия. Одного этого достаточно, чтобы больше не иметь с ним дела.

Следующие десять дней студент-медик был настолько поглощен своими занятиями, что ни разу не видел никого из своих нижних соседей и ничего про них не слышал. В те часы, когда Беллингем обычно приходил к нему, Смит закрывал обе двери, и, хотя не раз слышал стук в наружную дверь, он упорно не откликался. Однако как-то днем, когда он спускался по лестнице и проходил мимо квартиры Беллингема, дверь распахнулась, и из нее вышел молодой Монкхауз Ли – глаза его горели, смуглые щеки пылали гневным румянцем. По пятам за ним следовал Беллингем – его толстое сероватое лицо искажала злоба.

– Глупец! – прошипел он. – Вы об этом еще пожалеете.

– Очень может быть! – крикнул в ответ Ли. – Запомните, что я сказал! Все кончено! И слышать ничего не хочу!

– Но вы дали мне слово.

– И сдержу его. Буду молчать. Только уж лучше видеть крошку Еву мертвой. Все кончено, раз и навсегда. Она поступит, как я ей велю. Мы больше не желаем вас видеть.

Все это Смит поневоле услышал, но поспешил вниз, не желая оказаться втянутым в спор. Ему стало ясно одно: между друзьями произошла серьезная ссора, и Ли намерен расстроить помолвку сестры с Беллингом. Смит вспомнил, как Хасти сравнивал их с жабой и голубкой, и обрадовался, что свадьбе не бывать. На лицо Беллингема, когда он разъярится, было не слишком приятно смотреть. Такому человеку нельзя доверить судьбу девушки.

Продолжая свой путь, Смит лениво раздумывал о том, что могло вызвать эту ссору и что за обещание дал Монкхауз Ли Беллингема, для которого так важно, чтобы оно не было нарушено.

В этот день Хасти и Муллинс должны были состязаться в гребле, и людской поток двигался к берегам реки. Майское солнце ярко светило, и желтую дорожку пересекали темные тени высоких вязов. Справа и слева в глубине стояли серые здания колледжей – старые, убеленные сединами обитатели знаний смотрели высокими стрелчатými окнами на поток юной жизни,

который так весело катился мимо них. Облаченные в черные мантии профессора, бледные от занятий ученые, чопорные деканы и проректоры, загорелые молодые спортсмены в соломенных шляпах и белых либо пестрых свитерах – все спешили к синей извилистой реке, которая протекает, петляя, по лугам Оксфорда.

Аберкромб Смит расположился в таком месте, где, как подсказывало ему чутье бывалого гребца, должна была произойти – если она вообще будет – решающая схватка. Он услышал вдалеке гул, означавший, что гонки начались; лодки приближались, и рев нарастал, потом раздался громовой топот ног и крики зрителей, расположившихся в своих лодках прямо под ним. Мимо Смита, тяжело дыша, сбросив куртки, промчались несколько человек, и, вытянув шею, Смит разглядел за их спинами Хасти – он греб ровно и уверенно, а его частивший веслами противник отстал от него почти на длину лодки. Смит криком подбодрил друга, взглянул на часы и намеревался уже отправиться к себе, когда кто-то тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоит Монкхауз Ли.

– Я заметил вас тут, – робко начал юноша. – И мне бы хотелось поговорить с вами, если вы можете уделить мне полчаса. Я живу вот в этом коттедже вместе с Харрингтоном из Королевского колледжа. Зайдите, пожалуйста, выпейте чашку чаю.

– Мне пора возвращаться, – ответил Смит. – Я сейчас усиленно зубрю. Но с удовольствием зайду на несколько минут. Я бы и сюда не выбрался, но Хасти – мой друг.

– И мой тоже. Красиво гребет, правда? У Муллинса совсем не то. Зайдемте же. Дом немного тесноват, но в летние месяцы работать тут очень приятно.

Коттедж, стоявший ярдах в пятидесяти от берега реки, представлял собой небольшое белое квадратное здание с зелеными дверьми и ставнями; крыльцо украшала деревянная решетка. Самую просторную комнату кое-как приспособили под рабочий кабинет. Сосновый стол, деревянные некрашенные полки с книгами, на стенах несколько дешевых олеографий. На спиртовке пел, закипая, чайник, а на столе стоял поднос с чашками.

– Садитесь в это кресло и берите сигарету, – сказал Ли. – А я налью вам чаю. Я вам очень благодарен, что вы зашли, я знаю – у вас каждая минута на счету. Мне хотелось только сказать вам, что на вашем месте я бы немедленно переменял местожительство.

– Что такое?

Смит, с зажженной спичкой в одной руке и сигаретой в другой, изумленно уставился на Ли.

– Да, это, конечно, звучит очень странно, и хуже всего то, что я не могу объяснить вам, почему даю такой совет, – я связан обещанием и не могу его нарушить. Но все же я вправе предупредить вас, что жить рядом с таким человеком, как Беллингем, небезопасно. Сам я намерен пока пожить в этом коттедже.

– Небезопасно? Что вы имеете в виду?

– Вот этого я и не должен говорить. Но, прошу вас, послушайте меня, уезжайте из этих комнат. Сегодня мы окончательно рассорились. Вы в это время спускались по лестнице и, конечно, слышали.

– Я заметил, что разговор у вас был неприятный.

– Он негодяй, Смит. Иначе не скажешь. Кое-что я начал подозревать с того вечера, когда он упал в обморок. Помните, вы тогда еще спустились к нему? Сегодня я потребовал у него объяснений, и он рассказал мне такие вещи, что волосы у меня встали дыбом. Он хотел, чтобы я ему помог. Я не ханжа, но все-таки сын священника, и я считаю, что есть пределы, которые преступать нельзя. Благодарю Бога, что узнал его вовремя, – он ведь должен был с нами породниться.

– Все это превосходно, Ли, – резко заметил Аберкромб Смит. – Но только вы сказали или слишком много, или же слишком мало.

– Я предупредил вас.

– Раз для этого действительно есть основания, никакое обещание не может вас связывать. Если я вижу, что какой-то негодяй хочет взорвать динамитом дом, я стараюсь помешать ему, невзирая ни на какие обещания.

– Да, но я не могу ему помешать, могу только предупредить вас.

– Не сказав, чего я должен опасаться.

– Беллингема.

– Но это же ребячество. Почему я должен бояться его или кого-либо другого?

– Этого я не могу объяснить. Могу только умолять вас уехать из этих комнат. Там вы в опасности. Я даже не утверждаю, что Беллингема захочет причинить вам вред, но это может случиться – сейчас его соседство опасно.

– Допустим, я знаю больше, чем вы думаете, – сказал Смит, многозначительно глядя в серьезное лицо юноши. – Допустим, я скажу вам, что у Беллингема кто-то живет.

Не в силах сдержать волнение, Монкхауз Ли вскочил со стула.

– Значит, вы знаете? – с трудом произнес он.

– Женщина.

Ли со стоном упал на стул.

– Я должен молчать. Должен.

– Во всяком случае, – сказал Смит, вставая, – вряд ли я позволю себя запугать и покину комнаты, в которых мне очень удобно. Вашего утверждения, что Беллингема может каким-то непостижимым образом причинить мне вред, еще недостаточно, чтобы куда-то переезжать. Я рискну остаться на старом месте, и, поскольку на часах уже почти пять, я, с вашего позволения, уйду.

Смит коротко попрощался с молодым студентом и направился домой в теплых весенних сумерках, полусердьясь-полусмеясь – так бывает с волевыми здравомыслящими людьми, когда им грозят неведомой опасностью.

Как бы усердно Смит ни занимался, он неизменно позволял себе одну маленькую поблажку: два раза в неделю, по вторникам и пятницам, непременно отправлялся пешком в Фарлингфорд, загородный дом доктора Пламптри Питерсона, расположенный в полутора милях от Оксфорда. Доктор Пламптри Питерсон был близким другом Фрэнсиса, старшего брата Аберкромба Смита. И поскольку у состоятельного холостяка Питерсона винный погреб был хорош, а библиотека – еще лучше, дом его являлся желанной целью для человека, нуждавшегося в освежающих прогулках. Таким образом, дважды в неделю студент-медик размашисто вышагивал по темным проселочным дорогам, а потом с наслаждением проводил часок в уютном кабинете Питерсона, рассказывая ему за стаканом старого портвейна университетские сплетни или обсуждая последние новинки медицины, и особенно хирургии.

На другой день после разговора с Монкхаузом Ли Смит захлопнул свои книги в четверть восьмого – в этот час он обычно отправлялся к своему другу. Когда он выходил из комнаты, ему случайно попала на глаза одна из книг Беллингема, и ему стало совестно, что он ее до сих пор не вернул. Как ни противен тебе человек, приличия соблюдать надо. Прихватив книгу, Смит спустился по лестнице и постучался к соседу. Ему никто не ответил, но, повернув ручку, он увидел, что дверь не заперта. Обрадовавшись, что можно избежать с Беллингема встречи, Смит вошел в комнату и оставил на столе книгу и свою визитную карточку.

Лампа была прикручена, но Смит смог разглядеть обстановку довольно хорошо. В комнате все было как прежде: фриз, божества с головами животных, под потолком крокодил, на столе бумаги и сухие листья. Футляр мумии был прислонен к стене, но мумии в нем не оказалось. Не было заметно, чтобы в комнате жил кто-то еще, и, уходя, Смит подумал, что, вероятно, он был к Беллингема несправедлив. Скрывай тот какой-нибудь неблагоприятный секрет, вряд ли он оставил бы дверь незапертой.

На винтовой лестнице была тьма кромешная, и Смит осторожно спускался вниз, как вдруг почувствовал, что в темноте мимо него что-то проскользнуло. Чуть слышный звук, дуновение воздуха, прикосновение к локтю, но такое легкое, что оно могло просто почудиться. Смит замер и прислушался, но услышал только, как снаружи ветер шуршал листьями плюща.

– Это вы, Стайлз? – крикнул Смит.

Никакого ответа, и за спиной тишина. Он решил, что всему виной сквозняк – в старой башне полно трещин и щелей. И все же он был почти готов поклясться, что слышал совсем рядом шаги. Теряясь в догадках, Смит вышел во дворик. Навстречу по лужайке бежал какой-то человек.

– Это ты, Смит?

– Добрый вечер, Хасти!

– Ради бога, бежим скорее! Ли утонул. Мне сказал об этом Харрингтон из Королевского колледжа. Доктора нет дома. Ты можешь его заменить, только идем немедленно. Кажется, он еще жив.

– У тебя есть коньяк?

– Нет.

– Я прихвачу. Фляжка у меня на столе.

Смит бросился наверх, перепрыгивая через три ступеньки, схватил фляжку и кинулся вниз, но, пробегая мимо двери Беллингема, увидел нечто такое, от чего дыхание у него перехватило, и он остановился, растерянно глядя перед собой.

Дверь, которую он закрыл, сейчас была распахнута, и прямо перед ним, освещенный лампой, стоял футляр. Три минуты назад он был пуст. Смит мог в этом поклясться. А сейчас в нем находилось тощее тело его страшного обитателя – он стоял мрачный и застывший, обратив темное ссохшееся лицо к двери. Безжизненная, безучастная фигура, но Смицу почудился в ней зловещий отзвук одушевленности: искра сознания в маленьких глазах, прятая в глубоких впадинах. Смита это настолько потрясло, что он совсем забыл, куда и зачем направлялся, и все смотрел на тощую, высохшую фигуру, пока его не заставил опомниться голос Хасти.

– Спускайся же, Смит! – кричал он. – Ведь речь идет о жизни и смерти. Скорее! Ну а теперь, – добавил Хасти, когда студент-медик наконец появился в дверях, – побежали. Надо за пять минут пробежать почти милю. Жизнь человека – большая награда, чем кубок.

Плечо к плечу мчались друзья сквозь темноту, пока, задыхаясь и совсем без сил, не достигли маленького коттеджа у реки. На диване, весь мокрый, как сорванные водоросли, лежал Ли; к темным волосам его пристала зеленая тина, на свинцовых губах выступила полоска белой пены. Харрингтон – студент, с которым Ли жил в коттедже, стоя возле него на коленях, растирал его окостеневшие руки, стараясь их согреть.

– По-моему, он еще жив, – сказал Смит, положив руку на грудь юноши. – Приложите к его губам ваши часы. Да, стекло помутнело. Берись, Хасти, за эту руку. Делай то же, что и я, и мы его скоро приведем в чувство.

Минут десять они работали молча, подымая и сдвигая грудь лежавшего в беспамятстве Ли. Наконец по телу его пробежала дрожь, губы шевельнулись, и Ли открыл глаза. Три студента невольно вскрикнули от радости.

– Очнись же, старина. Ну и напугал ты нас.

– Хлебните коньяку. Прямо из фляжки.

– Теперь он пришел в себя, – сказал Харрингтон. – Господи, до чего же я испугался! Я сидел тут и читал, а он отправился прогуляться до реки, как вдруг я услышал вопль и всплеск. Я бросился туда, но пока разыскал его и вытащил, в нем не осталось никаких признаков жизни. Симпсон не мог пойти за доктором – он же калека, пришлось мне бежать. Просто не знаю, что бы я без вас стал делать. Правильно, старина. Попробуй сесть.

Монкхауз Ли приподнялся на локтях и дико озирался по сторонам.

– Что случилось? – спросил он. – Я весь мокрый. Ах да, вспомнил!

В глазах его мелькнул страх, и он закрыл лицо руками.

– Как же ты свалился в реку?

– Я не свалился.

– А что же случилось?

– Меня столкнули. Я стоял на берегу, что-то подхватило меня сзади, как перышко, и швырнуло вниз. Я ничего не слышал и не видел. Но я знаю, что это было.

– И я тоже, – прошептал Смит.

Ли взглянул на него с удивлением.

– Значит, вы узнали? Помните мой совет?

– Да, и я, пожалуй, ему последую.

– Не знаю, о чем, черт возьми, вы толкуете, – сказал Хасти, – но на вашем месте, Харрингтон, я бы немедленно уложил Ли в постель. Еще будет время обсудить, отчего и как все произошло, когда он немного окрепнет. По-моему, Смит, мы с вами можем теперь оставить их одних. Я возвращаюсь в колледж; если нам по пути – поболтаем дорогой.

Но на обратном пути они почти не разговаривали. Мысли Смита были заняты событиями этого вечера: исчезновение мумии из комнаты соседа, шаги, прошепестевшие мимо него на лестнице, и появление мумии в футляре – удивительное, уму непостижимое появление в нем ужасной твари. А потом это нападение на Ли, точно повторившее нападение на другого человека, к которому Беллингем питал вражду. Все это соединялось в голове Смита, сплетаясь в единое целое, и подтверждалось разными мелочами, которые вызвали у него неприязнь к соседу, а также необычайными обстоятельствами его первого визита к Беллингеми. То, что прежде было лишь неясным подозрением, смутной, фантастической догадкой, внезапно приняло ясные очертания и четко выступило в его сознании как факт, отрицать который невозможно. И все же это было чудовищно! Невероятно! И недоступно пониманию! Любой беспристрастный судья, даже его друг, тот, что шагает сейчас с ним рядом, просто-напросто сказал бы, что его обмануло зрение, что мумия все время была на своем месте, что Ли свалился в реку, как может свалиться в нее любой человек, и что при больной печени лучше всего принимать синие пилюли. Окажись на его месте кто-то другой, то же самое сказал бы он сам. И все-таки Смит готов был поклясться, что Беллингем в душе убийца и в руках у него такое оружие, каким за всю мрачную историю человеческих преступлений никто никогда не пользовался.

Хасти направился к себе, весьма откровенно и едко посмеявшись над неразговорчивостью своего друга, а что касается Аберкромба Смита, то он пересек внутренний дворик и направился к угловой башне, испытывая большое отвращение к своему обиталищу и всему, что с ним связано. Смит решил последовать совету Ли как можно скорее перебраться из этих комнат в другое место – разве возможно заниматься, все время прислушиваясь к бормотанию и шагам под тобой? Пересекая лужайку, он заметил, что в окне у Беллингема все еще горит свет, а когда проходил по лестничной площадке, дверь отворилась и из нее выглянул сам Беллингем. Пухлое злобное лицо его напоминало раздувшегося паука, только что соткавшего свою губительную сеть.

– Добрый вечер, – сказал он. – Не зайдете ли?

– Нет! – свирепо отрезал Смит.

– Нет? Вы, как всегда, заняты? Мне хотелось расспросить вас о Ли. К сожалению, с ним, кажется, что-то случилось.

Лицо Беллингема было серьезно, но когда он заговорил, в глазах его мелькнула скрытая усмешка, и Смит, заметив это, едва не набросился на лингвиста с кулаками.

– Вы будете еще больше сожалеть, узнав, что Ли вполне здоров и находится вне опасности, – сказал он. – На сей раз ваша дьявольская проделка сорвалась. Не пытайтесь отпираться. Мне все известно.

Беллингем попятился от разгневанного студента и, словно обороняясь, немного притворил дверь.

– Вы с ума сошли! О чем вы говорите? Или вы утверждаете, будто я имею какое-то отношение к тому, что случилось с Ли?

– Да! – загремел Смит. – Вы и этот мешок с костями, что у вас за спиной. Вы действуете заодно. И вот что, мистер Беллингем: таких, как вы, теперь не сжигают на кострах, но у нас еще есть палач! И, черт побери, если, пока вы тут, в колледже умрет хоть один человек, я выведу вас на чистую воду, и коли вас не вздернут, то уж никак не по моей вине. И вы убедитесь, что в Англии ваши мерзкие египетские штучки не пройдут.

– Да вы буйнопомешанный, – сказал Беллингем.

– Пусть так. Только хорошенько запомните мои слова: вы еще убедитесь, что я не бросаю их на ветер.

Дверь захлопнулась. Смит, пылая гневом, поднялся к себе, заперся и полночи курил трубку, раздумывая над всем, что случилось в этот вечер.

На другое утро Беллингема не было слышно, а днем зашел Харрингтон и сообщил Смигу, что Ли уже почти совсем оправился. Весь день Смит усердно занимался, однако вечером решил все-таки навестить своего друга доктора Питерсона, к которому он отправился, да так и не добрался накануне вечером.

Он решил, что хорошая прогулка и дружеская беседа успокоят его взвинченные нервы.

Когда Смит проходил мимо двери Беллингема, она была закрыта, но, отойдя на некоторое расстояние от башни, студент оглянулся и увидел в окне силуэт соседа: свет лампы, по-видимому, падал на него сзади, он всматривался в темноту, прижимаясь к стеклу лицом. Обрадовавшись, что сможет хоть несколько часов побыть вдали от Беллингема, Смит бодро зашагал по дороге, с наслаждением вдыхая ласковый весенний воздух. На западе между двумя готическими башенками виднелся серп месяца, и ажурная тень их ложилась на посеребренные плиты улицы. Дул свежий ветерок, легкие кудрявые облачка быстро бежали по небу. Колледж находился на окраине городка, и уже через пять минут Смит, оставив позади дома, оказался на одной из дорог Оксфорда, обсаженной цветущими, благоухающими кустами.

По уединенной дороге, которая вела к дому его друга, редко кто ходил, и, хотя было еще совсем рано, Смит никого не встретил. Он быстро дошел до ворот Фарлингфорда, за которым начиналась длинная, посыпанная гравием аллея. Впереди сквозь листву приветливо мигали в окнах оранжевые огоньки. Взявшись за железную щеколду калитки, Смит оглянулся на дорогу, по которой пришел, и увидел нечто быстро приближавшееся.

Оно двигалось в тени кустов, бесшумно крадучись, – темная пригнувшаяся фигура, с трудом различимая на темном фоне. Она приближалась с удивительной быстротой. В темноте Смит разглядел только тощую шею да два глаза, которые до конца дней будут преследовать его в кошмарных снах. Смит повернулся и, вскрикнув от ужаса, бросился бежать что было сил. До оранжевых окон, означавших для него спасение, было рукой подать. Смит слыл хорошим бегуном, но так, как в эту ночь, он еще никогда не бегал.

Тяжелая калитка захлопнулась за ним, но он услышал, как она тотчас распахнулась перед его преследователем. Обезумев, он мчался сквозь тьму, слыша за собой дробный топот, и, оглянувшись, увидел, что это жуткое видение настигает его огромными прыжками, сверкая глазами, вытянув вперед костлявую руку. Слава богу, дверь была распахнута настежь. Смит увидел узкую полоску света горевшей в передней лампы. Но топот раздавался уже совсем рядом, и у самого уха Смит услышал хриплое клокотание. Он с воплем влетел в дверь, захлопнул ее, запер за собой и, теряя сознание, упал на стул.

– Господи, Смит, что случилось? – спросил Питерсон, появляясь в дверях кабинета.

– Дайте мне глоток коньяку!

Питерсон исчез и появился снова, уже с графином и рюмкой.

– Вам это необходимо, – сказал он, когда его гость выпил коньяк. – Да вы белый как мел! Смит отставил рюмку, поднялся на ноги и перевел дух.

– Теперь я взял себя в руки, – сказал он. – Впервые в жизни я потерял над собой контроль. Все же, Питерсон, если позволите, я заночую сегодня у вас: я не уверен, что найду в себе силы пройти по этой дороге не иначе как днем. Я знаю, что это малодушие, но ничего не могу поделать.

Питерсон с великим изумлением посмотрел на своего гостя.

– Конечно, вы заночуете у меня. Я велю миссис Берни постелить вам. Куда это вы собрались?

– Подойдемте к окну, из которого видна входная дверь. Мне хочется, чтобы вы увидели то, что видел я.

Они поднялись на второй этаж и подошли к окну, откуда были видны все подступы к дому. Подъездная аллея и окрестные поля, полные тишины и покоя, мирно купались в лунном сиянии.

– Право же, Смит, – начал Питерсон, – если бы я не знал вас как человека воздержанного, то подумал бы бог знает что. Что же могло вас так напугать?

– Сейчас расскажу. Но куда же оно могло деться? А, вон! Смотрите же! Где дорога сворачивает, сразу за вашими воротами.

– Да-да, вижу. Незачем щипать меня за руку. Я видел, кто-то прошел. По-моему, человек довольно худой и высокий, очень высокий. Но при чем тут он? И что с вами? Вы все еще дрожите как осиновый лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.